

XVIII
a m ž i a u s
studijos

2

LIETUVOS
Didžioji Kunigaikštystė
Valstybė. Kultūra. Edukacija

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

XVIII

a m ž i a u s
studijos

2

LIETUVOS
Didžioji Kunigaikštystė
Valstybė. Kultūra. Edukacija

Sudarytoja
RAMUNĖ ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ

LI
LEIDYKLA

Vilnius
2015

Redaktorių kolegija

Dr. Lina BALAIŠYTĖ

Lietuvos kultūros tyrimų institutas

Prof. dr. Richard BUTTERWICK-PAWLIKOWSKI

Europos koledžas Natoline (Lenkija), Londono universiteto koledžas

Dr. Liudas GLEMŽA

Vytauto Didžiojo universitetas

Doc. dr. Robertas JURGAITIS

Lietuvos edukologijos universitetas

Dr. Andrej MACUK

Baltarusijos mokslų akademijos Baltarusijos istorijos institutas

Dr. Gintautas SLIESORIŪNAS

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Adam STANKEVIČ (sekretorius)

Lietuvos istorijos institutas

Doc. dr. Ramunė ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ (pirmininkė)

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Asta VAŠKELIENĖ

Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas

Prof. habil. dr. Andrzej B. ZAKRZEWSKI

Varšuvos universitetas

Recenzantai

Dr. Viktorija VAITKEVIČIŪTĖ

Vilniaus universitetas

Dr. Agnius URBANAVIČIUS

Lietuvos istorijos institutas

Redakcinės kolegijos adresas

Lietuvos istorijos institutas

Kražių g. 5, 01108 Vilnius, Lietuva

El. paštas: *rstukiene@mail.lt*, *stukiene@istorija.lt*

Knygos leidybą pagal „Nacionalinę lituanistikos plėtros 2009–2015 metų programą“ finansavo Lietuvos mokslo taryba (sutarties Nr. LIT-8-47).

© Sudarymas, Ramunė Šmigelskytė-Stukienė, 2015

© Straipsnių autoriai, 2015

© Lietuvos istorijos institutas, 2015

ISBN 978-9955-847-94-6

ISSN 2351-6968

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ ПОЛОЦКА В XVIII ВЕКЕ

МАКСИМ МАКАРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются организация и деятельность городских властей Полоцка в XVIII в. Для более полного раскрытия темы в ряде случаев привлечены материалы второй половины XVII в. В качестве верхней хронологической границы исследования определен 1772 г., когда в результате первого раздела Речи Посполитой основная правобережная часть Полоцка была включена в состав Российской империи.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Полоцк, магистрат, организация городских властей, городские власти.

Период, которому посвящено данное исследование, нельзя назвать «золотым веком» в истории Полоцка. За первую четверть столетия под воздействием неблагоприятных внешних факторов город утратил часть своего былого экономического потенциала, а его население значительно сократилось. Последующие десятилетия были более стабильными, но, находясь в составе Речи Посполитой, Полоцк так и не поднялся до прежнего уровня. Вероятно, именно поэтому история Полоцка XVIII в. традиционно привлекает внимание исследователей значительно меньше, чем его славное прошлое XV–XVII вв. Тем не менее без этого периода история города будет неполной. В данной работе представлена попытка показать организацию городских властей Полоцка в XVIII в. В качестве верхней хронологической границы исследования определен 1772 г., когда в результате первого раздела Речи Посполитой основная правобережная часть Полоцка была включена в состав Российской империи.

Сначала сделаем несколько общих замечаний о границах административной и судебной компетенции городских властей. Немецкое городское право было пожаловано Полоцку 7 октября 1498 г., но вопросы юрисдикции населения города оставались актуальными на протяжении всего магдебургского периода его истории. Причина кроется в сохранении в Полоцке XVI–XVIII вв. многочисленных реликтов тех порядков, которые существовали до введения магдебургского права.

Основным документом, регулировавшим вопросы подсудности населения Полоцка в XVIII в., был привилей, пожалованный городу Владиславом

Вазой 11 марта 1633 г. Согласно положениям этого документа, все полоцкие мещане должны были находиться под юрисдикцией магистрата и судиться в соответствии с нормами магдебургского права. Существование частных юридик на территории города и предместий запрещалось. Все торговцы и ремесленники, которые проживали на церковных и шляхетских землях, также считались мещанами и находились в судебной компетенции городских властей. Собственникам земли эти лица должны были выплачивать ежегодный чинш. Под юрисдикцией шляхты и духовенства оставались только те городские подданные, занятия которых были связаны с сельским хозяйством¹. В позднейших подтверждениях (в 1649 г. – Яном Казимиром, в 1669 г. – Михаилом Вишневецким, в 1676 г. – Яном Собесским² и т.д.) в текст привилея 1633 г. не вносилось никаких изменений, поэтому установленный порядок, по крайней мере, теоретически продолжал действовать в Полоцке до первого раздела Речи Посполитой, когда правобережная часть города вошла в состав Российской империи.

На практике городским властям в XVII–XVIII вв. подчинялось далеко не все торгово-ремесленное население. Самым тяжелым элементом наследства, которое магдебургский Полоцк получил от предыдущего этапа своего развития, была значительная земельная собственность шляхты и духовенства на территории города. Долю городского недвижимого имущества, в XVIII в. находившегося в руках духовных и светских феодалов, можно оценить, используя данные ревизии 1765 г.³ По подсчетам Штефана Родевальда, проведенным на основе указанного документа, в это время на территории города насчитывалось около 600 дворов, из которых 238 (40 %) принадлежало шляхте, 179 (30 %) – церквям и монастырям разных конфессий, 50 (8 %) – евреям и только 119 (около 20 %) – королевским мещанам⁴.

Земельная собственность являлась материальной основой влияния духовенства и шляхты на внутреннюю жизнь Полоцка. Представители этих сословий часто игнорировали соответствующие положения городских привилеев и стремились перевести тех, кто проживал на их землях, под свою судебную власть. Магистрат боролся с созданием юридик, но далеко не всегда (особенно в XVIII в.) эта борьба завершалась в пользу магистрата. В условиях шляхетской Речи Посполитой многое зависело от обстоятельств,

1 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (Национальный исторический архив Беларуси, далее – НГАБ), ф. КМФ-18 (Метрика Великого княжества Литовского), воп. 1 (далее МВКЛ-1), спр. 106, арк. 172–173 адв.

2 МВКЛ-1, д. 123, л. 68–75 об.; д. 136, л. 173–179 об.; д. 138, л. 206.

3 Витебский областной краеведческий музей, КР 7312/9, л. 1–11.

4 Stefan Rohdewald, *Vom Polocker Venedig. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005, p. 230.

силы и финансовых возможностей городских властей, а также влиятельности физического или юридического лица, которому им приходилось противостоять. Так, в 1746 г. базилиане Борисоглебского монастыря без каких-либо объяснений перевели население (более 80 мещанских дворов) слободы Бельчица-Кабак, земли которой на тот момент являлись их собственностью, под свою судебную власть. Значительно ослабленный по сравнению с предыдущими столетиями магистрат не смог противостоять этим действиям, и в 1765 г. кабачане по-прежнему не были ему подсудны⁵.

Теперь коротко рассмотрим теоретические вопросы организации городских властей Полоцка. Основным документом, регулировавшим их деятельность в XVIII в., по-прежнему оставался упомянутый выше привилей Владислава Вазы от 11 марта 1633 г. В документе подчеркивалось, что полоцкое войтовство находилось в руках местного воеводы в соответствии с давним обычаем. Поскольку воевода-войт не имел возможности постоянно присутствовать в Полоцке, он мог назначать на свое место лантвойта. Несмотря на ставшее традиционным совмещение должностей войта и воеводы, документом было оговорено право монарха назначать полоцких войтов в будущем. Привилей 1633 г. предусматривал существование в Полоцке особого войтовского или лантвойтовского суда, в компетенции которого находились дела об избияниях и имуществе стоимостью не более 20 злотых. Каждый не удовлетворенный решением этого учреждения имел право подать апелляцию в суд магистрата. Криминальные дела, а также дела о более крупных суммах должны были рассматриваться в ратуше судом бурмистров, радцев и лавников в присутствии войта или лантвойта. Апелляции на приговоры магистрата необходимо было направлять непосредственно королю⁶.

В привилее 1633 г. подробно описан порядок формирования корпуса бурмистров. Он регулировался следующими обычаями. В конце года радцы и мещане должны были выбрать и представить войту 4 кандидатов (2 католиков и 2 униатов). Из их числа войт утверждал 2 (католика и униата), которые в течение года исполняли функции бурмистров. На практике проведения ежегодных выборов не требовалось, так как бурмистры получали свои должности пожизненно. В Полоцке одновременно должно было насчитываться не более 6 (3 католика и 3 униата) бурмистров. Они делились на 3 годовые смены или сессии, которые возглавляли магистрат по очереди – через два года на третий. Когда подходил срок очередной сессии, ранее утвержденным бурмистрам не нужно было получать дополнительное разрешение со стороны войта, чтобы занять места в годовом составе магистрата. Новые выборы

5 Витебский областной краеведческий музей, КР 7312/9, л. 10.

6 МВКА-1, д. 106, л. 174–174 об.

должны были происходить только в случае смерти одного из бурмистров⁷. Прочие аспекты организации городских властей Полоцка в привилее 1633 г. не оговаривались.

На практике в XVII–XVIII вв. полоцкое войтовство всегда принадлежало полоцким воеводам или (в случаях, когда эта должность оставалась вакантной, что было весьма актуальным для XVIII в.) суррогатам городским Полоцкого воеводства. Такой порядок считался традиционным и не подвергался сомнению. Должности воеводы и войта, несмотря на их совмещение, рассматривались как самостоятельные и жаловались очередным воеводам-войтам по отдельности.

Полоцкими воеводами и, соответственно, войтами становились представители богатых и влиятельных магнатских родов. Воеводы редко принимали непосредственное участие в управлении городом и чаще всего передавали полномочия войта на правах аренды своим наместникам – лантвойтам. Должность лантвойта в XVII–XVIII вв. обычно попадала в руки выходцев из местных шляхетских родов (Богатыр-Косаровских, Кублицких, Рыпинских, Корсаков и др.). Чтобы официально приступить к исполнению обязанностей, лицо, назначенное на должность лантвойта, должно было предъявить чиновникам магистрата «патент», подписанный войтом, и принести присягу⁸.

Лантвойты также часто не исполняли свои обязанности лично, а назначали наместников. Исключением в этой ситуации можно считать Хилари Корсака, про наместников которого ничего не известно за более чем 20-летний период его нахождения на этой должности (1750–1772 г.)⁹. Наместником лантвойта (или вицелантвойтом) почти всегда становился кто-нибудь из бурмистров, радцев или лавников двух негодных сессий магистрата. В XVIII в., в связи с общей дезорганизацией работы городских властей и нехваткой чиновников, обязанности лантвойта нередко исполняли представители годовой сессии этого учреждения.

Случалось, что после назначения нового воеводы смена войта, лантвойта и его наместника происходила далеко не сразу. Перед тем, как начать управлять вверенной территорией, воевода должен был сначала «въехать» на воеводство. Например, Станислав Денгоф получил должность полоцкого воеводы 16 октября 1722 г., а его «въезд» на воеводство состоялся только в 1725 г.¹⁰ Все это время войтовство продолжало находиться в руках

7 МВКЛ-1, д. 106, л. 174 об.–175.

8 НГАБ, ф. 1823 (Полоцкий магистрат), воп. 2 (далее – ПМ-2), спр. 4, арк. 119 адв.; НГАБ, ф. 1823 (Полоцкий магистрат), воп. 1 (далее – ПМ-1), спр. 17, арк. 66.

9 ПМ-1, д. 30, л. 19; д. 45, л. 11.

10 *Книга магистрата міста Полоцка 1727 г.* = *Księga magistratu miasta Polocka 1727 r.*, падрыхт. да публ. Андрэй Н. Латушкін, Максім Дз. Макараў, Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае навуковае таварыства, 2012 (далее – *КММП 1727*), с. 274, 297–298.

	1704 Войцех Ежи Софронович Ян Климятич / Николай Ленчицкий	1705 Ян Казимир Розмыслович Абрам Ленчицкий
1706 Ян Казимир Розмыслович Ян Климятич / Николай Ленчицкий	1707 ?	1708 ?
1709 Ян Казимир Розмыслович Базыль Свентицкий		
<i>1710 – 1715 Нет данных</i>		
	1716 Ян Казимир Розмыслович Ян Кузьмич Василевич	1717 Александр Казимирович Ян Стебут
1718 Ян Казимир Розмыслович Михаил Оловяшка	1719 ?	1720 Ян Стебут
1721 Ян Казимир Розмыслович Михаил Оловяшка	1722 Ян Кузьмич Василевич	1723 ?
1724 Михаил Оловяшка	1725 ?	1727 (I сессия) Ян Тимофеевич Ленчицкий Александр Михайлович Стебут
1728 (II сессия) Ян Кузьмич Василевич Михаил Оловяшка	1729 Ян Кузьмич Василевич Теодор Павлович Комкович	1730 ?
1731 Ян Кузьмич Василевич	1732 Ян Тадеуш Александрович Теодор Павлович Комкович	1733 ?
1734 ?	1735 Ян Тадеуш Александрович Теодор Павлович Комкович	1736 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка
1737 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка	1738 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка	1739 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка
1740 Михаил Оловяшка	1741 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка	1742 Ян Тадеуш Александрович Михаил Оловяшка
1743 ?	1744 Михаил Оловяшка	

Рис. 1. Полоцкие годовые бурмистры (первая половина XVIII в.)

администрации его предшественника – суррогатора гродского Антония Дешпот-Зеновича¹¹.

Контроль воеводы-войта над магистратом выражался, главным образом, в его праве утверждать кандидатуры бурмистров, предложенные мещанами и городскими чиновниками. Эта функция исполнялась исключительно самим войтом и не передавалась лантвойту или его наместнику.

В XVII–XVIII вв. в Полоцке параллельно с магистратским судом функционировал особый войтовский или лантвойтовский суд. Он состоял из лантвойта (или его наместника) и лантвойтовского писаря, а местом проведения его

11 ПМ-1, д. 12, л. 9, 47.

заседаний служил дом лантвойта (или его наместника). В компетенцию этого суда входили «мелкие» дела: об избиениях и имуществе стоимостью до 20 золотых. В первой половине XVIII в., на фоне нехватки городских чиновников и принадлежности многих наместников лантвойта к годовой сессии магистрата, разграничение между лантвойтовским и магистратским судами часто было не слишком ярко выраженным. Например, 29 июня 1744 г. единственный на тот момент полоцкий бурмистр Михаил Оловяшка, одновременно являвшийся и наместником лантвойта, рассматривал дело полоцких мещан судом лантвойта. Все следственные действия по его, как вицелантвойта, заданию были проведены радцами, а итоговый протокол был вписан в магистратскую книгу так, как будто он вписывался в книги судебных дел лантвойта¹².

По сравнению с общим судом чиновников магистрата, особый суд лантвойта традиционно рассматривался как инстанция более низкого уровня. Апелляции на приговоры лантвойта или его наместника должны были подаваться в суд бурмистров, радцев и лавников. Такой порядок существовал в XVII в. и, несмотря на серьезное ослабление магистрата, продолжал сохраняться в первой половине XVIII в.¹³ В третьей четверти XVIII в. ситуация изменилась на противоположную. Когда в ноябре 1771 г. магистрат разрешил сторонам, участвовавшим в процессе, подать апелляцию на свое решение в суд лантвойта Хилари Корсака, это было воспринято как абсолютная норма¹⁴.

Отношения между войтом, как ставленником верховной власти, и мещанской общиной, основанные на немецком праве, могут служить показателем того, в какой степени последней удалось реализовать свой коммунальный суверенитет. В случае Полоцка (как, впрочем, и других городов Белорусского Подвинья) говорить об успехах в этом направлении проблематично. Мещанской общине здесь так никогда и не удалось поставить войтовство под свой контроль.

Магистрат, как и войтовство, был образован в Полоцке после того, как в 1498 г. городу было пожаловано магдебургское право. Однако о раннем периоде его функционирования известно немного. В XVII–XVIII вв. полоцкий магистрат не делился на бурмистровско-радецкую и войтовско-лавничью части. Особой «лавы» во главе с войтом не существовало. Лавники подчинялись бурмистрам и радцам. Все чиновники магистрата – бурмистры, радцы и лавники – заседали в ратуше совместно в присутствии лантвойта или его наместника.

12 ПМ-1, д. 28, л. 224–224 об.

13 КММП 1727, с. 204–205.

14 *Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской*, т. 1–32, Витебск: Витебский центральный архив древних актов, 1871–1906 (далее – ИЮМ); т. 6: *Приходо-расходная книга г. Могилева за 1689 г.; Акты, извлеченные из книг Полоцкого магистрата за 1676–1771 гг.*, Витебск: Витебский центральный архив древних актов, 1875, с. 408–409.

Функции чиновников можно охарактеризовать следующим образом. Бурмистры руководили заседаниями учреждения, выносили судебные приговоры и принимали важнейшие (в том числе, финансовые) решения. Радцы являлись их советниками, специалистами в области права, знатоками и защитниками прав и привилегий города¹⁵. Кроме того, радцы годовой сессии магистрата хранили в своих руках радецкую печать, а также ключи от ратуши и ящика с важнейшими городскими документами¹⁶. Лавники (или, иначе, «присяжные») по поручению бурмистров и радцев проводили следственные действия по судебным делам (изучение ситуации на местности, осмотр мест преступлений, тел убитых, телесных повреждений и т.д.); процедуры оценки движимого и недвижимого имущества, передачи объектов недвижимости новым собственникам. Они также составляли завещания мещан и заверяли их своей лавничьей печатью¹⁷. Свидетельство лавника, оформленное соответствующим образом, приобретало значение документа. В XVIII в. при отсутствии в составе магистрата достаточного числа лавников их функции нередко выполняли радцы.

Создается впечатление, что лавники, радцы и бурмистры воспринимались как три последовательных уровня чиновников, функции которых были очень похожи. Так, если результаты оценки имущества или определения границ земельных участков, проведенных лавниками, по каким-то причинам не удовлетворяли человека, он мог на законных основаниях потребовать повторного проведения тех же действий комиссией радцев или (в последней инстанции) бурмистров¹⁸.

В XVII–XVIII вв. полоцкий магистрат состоял из трех сессий бурмистров, радцев и лавников, каждая из которых заседала в ратуше через два года на третий¹⁹. Смена сессий происходила 1 января по «римскому» (григорианскому) календарю²⁰.

15 *Актовая книга полоцкага магистрата 1650 г.: зборнік дакументаў, склаў і падрыхт. да друку* Максим Ю. Гардзеў, Мінск: Беларуская навука, 2006 (далее – *АКПМ 1650*), с. 156; *КММП 1727*, с. 97–98.

16 *ИЮМ*, т. 6, с. 222–223.

17 *Акты книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг.*, составил Максим Ю. Гордеев, подготовил к печати А.Б. Довнар, in: *Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слов, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке*, Минск: Беларуская навука, 2012 (далее – *АКПМ 1656–1657*), с. 547–548; *КММП 1727*, с. 91, 102–103, 105, 135, 147.

18 ПМ-2, д. 5, л. 169 об.; *КММП 1727*, с. 126–127.

19 *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа*, т. 1. Вильна: печатня Губернского правления, 1867, с. 309 (далее – *АСД*); ПМ-1, д. 25, л. 29.

20 ПМ-2, д. 3, л. 231 об.–232.

Попытаемся ответить на вопрос, каким был количественный состав отдельной сессии на разных этапах существования этого учреждения. В нашем распоряжении имеется всего четыре свидетельства, когда известен персональный состав магистрата за конкретный год и когда можно совершенно точно сказать, что указанный состав магистрата был полным. Эта информация относится к 1650, 1676, 1727 и 1762 гг.

В 1650 г. в полоцкой ратуше заседало 2 бурмистра, 2 радцы, 6 лавников²¹. Сессия 1676 г. состояла из 2 бурмистров, 2 радцев, 4 лавников²². В 1727 г. в состав магистрата входило 2 бурмистра, 2 радцы и всего 2 лавника²³, при этом писарь сделал замечание, что такое количество лавников обусловлено «недостатком людей». В 1762 г. актуальная сессия состояла из 2 бурмистров, 2 радцев, 2 лавников, и такое число чиновников воспринималось как норма²⁴. Таким образом, в XVII–XVIII вв. теоретическое количество бурмистров и радцев сессии оставалось неизменным – 2 и 2. В то же время штат годовых лавников (должно быть 6 человек) постепенно уменьшился сначала до 4, а потом – до 2. Такие изменения были вызваны, по-видимому, тем, что в период с середины XVII в. до середины XVIII в. число жителей Полоцка сократилось примерно в три раза. Дальнейшее уменьшение теоретического числа чиновников было невозможным. Принципы конфессионального дуализма, заложенные привилегиями Полоцку на магдебургское право, требовали равног участия в магистрате лиц «римского» и «греческого» вероисповеданий.

На практике состав годовой сессии мог не соответствовать принятой норме. Иногда магистратских чиновников не хватало, и к исполнению обязанностей приступали неполные сессии. Например, 1 января 1732 г. бурмистр Теодор Комкович занял место в ратуше «сам только, без коллеги [«римского» бурмистра. – М.М.] и без панов радцев»²⁵. В ряде случаев число лавников, привлекавшихся магистратом к работе на протяжении года, значительно превосходило число годовых лавников. Так, в 1704 г. различные задания бурмистров и радцев выполняло 7²⁶, а в 1717 г. – 8 лавников²⁷.

Изменения в составе актуальной сессии магистрата в середине года могли происходить в случаях смерти, отказа или отстранения от исполнения обязанностей кого-либо из ее членов. В ситуации, когда суд магистрата рассматривал дело чиновника годовой сессии, на время процесса его замещали другим представителем власти.

21 *АКПМ 1650*, с. 27, 46, 124, 155.

22 *ИЮМ*, т. 6, с. 221–222.

23 *КММП 1727*, с. 49.

24 ПМ-1, д. 39, л. 1а.

25 ПМ-1, д. 17, л. 1.

26 ПМ-1, д. 2, л. 1, 4, 36 об., 49, 50 об., 58, 62.

27 ПМ-1, д. 7, л. 8 об., 24 об., 25 об., 26, 33, 60 об.

В XVII в. три сессии магистрата регулярно сменяли друг друга. Попробуем проследить ротацию сессий полоцкого магистрата в XVIII в. на примере корпуса бурмистров. Первая четверть столетия была исключительно тяжелым периодом в истории Полоцка. Шла Северная война (1700–1721 гг.), экономика региона находилась в катастрофическом состоянии. Население города за это время сократилось в несколько раз. Список имен годовых бурмистров 1704–1709 гг. (рис. 1) наводит на мысль о нехватке чиновников магистрата и хаотичном латании дыр в неполных сессиях²⁸. Ситуация несколько стабилизировалась только в конце второго десятилетия XVIII в.²⁹

В 1725 г., при «въезде» на воеводство, полоцкий воевода и войт Станислав Денгоф издал универсал, в котором предписывал провести переборы всего личного состава магистрата³⁰. Вскоре после этого он покинул территорию Великого княжества Литовского. В результате, в механизме ротации сессий произошел сбой сроком на 1 год. Кандидаты в бурмистры Ян Тимофеевич Ленчицкий и Александр Михайлович Стебут, избранные мешанами и магистратом в декабре 1725 г., смогли получить от воеводы-войта «патенты» на должности бурмистров только 16 ноября 1726 г., когда Денгоф появился в Гродно, и приступили к исполнению своих обязанностей только 1 января 1727 г.³¹ В тот же день заняли свои места в ратуше радцы Габриэль Курбатович и Александр Воронич, которые по результатам выборов 5 декабря 1725 г. должны были стать годовыми радцами 1726 г.³²

В декабре 1727 г. полочане уклонились от выполнения положений универсала Денгофа и попытались вернуться к старому порядку ротации сессий³³. Однако из-за отсутствия необходимого количества чиновников последующая смена составов магистрата каждый раз сопровождалась значительными трудностями. В 1736–1742 гг. в Полоцке оставалось всего 2 бурмистра (Ян Тадеуш Александрович и Михаил Оловяшка), которые на протяжении указанных семи лет заседали непрерывно³⁴ (рис. 1). В связи с этим можно говорить о прекращении реальной ротации сессий магистрата. 12 июня 1742 г. Ян Тадеуш Александрович умер³⁵, и Михаил Оловяшка на некоторое время остался единственным городским чиновником высшего ранга.

28 ПМ-1, д. 2, л. 1, 2, 3, 54, 57, 60, 64, 92; д. 3, л. 1, 12, 39, 54, 119, 120; д. 4, л. 1, 19, 27, 29, 38, 47, 79; д. 5, л. 5, 18, 75, 110.

29 ПМ-1, д. 6, л. 6, 9 об.; д. 7, л. 8, 24; д. 8, л. 5, 14; д. 9, л. 3, 7; д. 10, л. 1, 13; д. 11, л. 5, 7, 26; д. 12, л. 1, 9, 47.

30 КММП 1727, с. 274; *Витебская старина*, составил и издал Алексей П. Сапунов, т. 5, ч. 1, Витебск: Типография губернского правления, 1888 (далее – *ВС*), с. 356.

31 *ВС*, т. 5, ч. 1, с. 356; КММП 1727, с. 50–53.

32 КММП 1727, с. 54; *ВС*, т. 5, ч. 1, с. 355–356.

33 КММП 1727, с. 274.

34 ПМ-1, д. 20, л. 1, 53; д. 21, л. 5, 346 об.; д. 22, л. 355; д. 24, л. 21, 33; д. 26, л. 1, 45, 95, 101; д. 27, л. 5.

35 ПМ-1, д. 27, л. 101 об.

В 1750–1772 г. количество полоцких бурмистров снова увеличилось. Однако сохранившиеся книги магистрата этого периода содержат крайне мало профильных дел, что не позволяет представить ротацию сессий чиновников на данном промежутке времени (если она в действительности имела место). Необходимо отметить, что годовые лавники 1762 г. Ян Миронович и Григорий Кособуцкий³⁶ бесценно исполняли свои обязанности и в последующие 6 лет, так как других лавников в Полоцке 1763–1768 гг., вероятно, просто не было³⁷.

Теперь рассмотрим практику назначения новых чиновников магистрата. В отличие от многих городов Центральной и Восточной Европы, где магистраты пополняли свой состав самостоятельно, в Полоцке процедура назначения высших чиновников носила относительно демократический характер. В XVII–XVIII вв. полоцкие мещане принимали самое непосредственное участие в выборах бурмистров и радцев.

В соответствии с положениями привилея 1633 г. магистрат и мещане должны были выбирать и представлять воеводе-войту двух кандидатов на каждое вакантное место бурмиистра, а тот утверждал одного из них в этой должности. Но случались и исключения: так, в конце 1725 г. воеводе-войту предложили всего по одной безальтернативной кандидатуре на каждую вакансию.

Сохранившиеся источники сообщают следующие обстоятельства выборов кандидатов в бурмистры в интересующий нас период. В конце 1725 г. радца Ян Ленчицкий и лавник Александр Стебут стали кандидатами в бурмистры в результате «свободных выборов», проведенных магистратом и мещанами³⁸. 10 декабря 1727 г., в ходе выборов «римского» бурмиистра второй сессии, мещане представили кандидатуру Яна Кузьмича Василевича, и магистрат согласился с ней³⁹. 30 января 1728 г. радцы Теодор Комкович и Александр Воронич были избраны кандидатами на должность «греческого» бурмиистра магистратом, «мужами гминными» и мещанами⁴⁰. В конце 1728 г. мещане вообще отказались выбирать «римского» бурмиистра, в связи с чем эта должность осталась вакантной⁴¹. 14 января 1732 г. магистрат удовлетворил просьбу лантвойта Николая Шпинка и разрешил Яну Александровичу, избранному радцей, сразу стать кандидатом в бурмистры⁴², но последний случай нельзя считать типичным.

36 ПМ-1, д. 39, л. 1а.

37 ПМ-1, д. 40, л. 23 об., 25, 99 об., 120 об., 122; д. 41, л. 37 об., 125, 145 об., 151; д. 42, л. 6 об., 25, 44, 46 об., 52, 56, 95, 99, 110; д. 43, л. 2 об., 8, 42, 110 об.; д. 44, л. 6, 20, 50 об., 54.

38 ВС, т. 5, ч. 1, с. 356; *КММП 1727*, с. 50–53.

39 *Ibid.*, р. 274.

40 ПМ-1, д. 14, л. 12 об.

41 ПМ-1, д. 15, л. 1.

42 ПМ-1, д. 17, л. 3 об.

По-видимому, обычный порядок выборов кандидатов в бурмистры выглядел следующим образом: мещанская община представляла на рассмотрение магистрата своих кандидатов, а магистрат соглашался с ними или отклонял их. После одобрения магистрата список кандидатов отсылался на утверждение воеводе-войту. Утвержденный войтом кандидат приносил присягу на бурмистрство, после чего мог занять свое место в ратуше и приступить к исполнению обязанностей.

Процедура выборов радцев в привилее 1633 г. вообще не прописана. Обстоятельства избрания отдельных радцев в сохранившихся источниках XVIII в. выглядят следующим образом. Казимир Пацевич, принесший присягу радцы 27 января 1706 г., был избран магистратом, «мужами гминными» и мещанами⁴³. 5 декабря 1725 г. мещане представили магистрату 4 кандидатуры на 2 вакантных места, и в результате годовыми радцами были утверждены Габриэль Курбатович и Александр Воронич; в записи от 1 января 1727 г. о принесении ими присяги сообщается, что они были избраны «свободными голосами мещан»⁴⁴. 10 декабря 1727 г. Ян Олешкевич был избран на должность радцы магистратом, «мужами гминными» и мещанами⁴⁵. Лукаш Стефанович, который принес присягу радцы 10 января 1729 г., был избран в результате «выборов»⁴⁶. Во время выборов 11 января 1732 г. мещане представили магистрату 4 кандидатов на 2 места радцев; магистрат отклонил 3 из них и утвердил только одного – Яна Александровича⁴⁷.

По всей видимости, нормой считалась ситуация, когда мещане предлагали 2 кандидатов на одно вакантное место радцы, а магистрат выбирал одного из них. Человек, утвержденный магистратом, мог приступить к исполнению обязанностей после принесения присяги.

Несмотря на то, что полоцкие мещане принимали активное участие в выборах бурмистров и радцев, переоценивать степень демократичности этой процедуры не следует. В магистрате существовала жесткая иерархия должностей, и каждый чиновник должен был по очереди пройти все ступени служебной лестницы. Чтобы претендовать на должности радцы и бурмистра, необходимо было сначала стать лавником, а чиновников этого ранга мещане не выбирали. Все лавники, обстоятельства назначения которых нам известны (в XVIII в. – Григорий Дамьянович, 23 января 1709 г.), были назначены на свои должности магистратом⁴⁸. В рамках такой системы лавниками чаще всего становились дети или близкие родственники

43 ПМ-1, А. 4, л. 13.

44 ВС, т. 5, ч. 1, с. 356; КММП 1727, с. 54.

45 *Ibid.*, р. 274.

46 ПМ-1, А. 15, л. 5–5 об.

47 ПМ-1, А. 17, л. 3–3 об.

48 АКПМ 1650, с. 124, 155; ПМ-2, А. 4, л. 38 об.; ПМ-1, А. 5, л. 5 об.

бурмистров и радцев, а у «случайных» людей практически не было шансов начать карьеру чиновника.

Рассмотрим вопрос о конфессиональном составе полоцкого магистрата в XVIII в. Принцип, согласно которому в этом учреждении должно быть представлено равное количество католиков и «русинов», был заложен еще привилеем на магдебургское право 1498 г. Своим привилеем от 11 марта 1633 г. Владислав Ваза еще раз подтвердил структуру полоцкого магистрата, построенную на принципе конфессионального дуализма, но под термином «русины» в этом документе понимались уже исключительно униаты⁴⁹. Особенно тяжелым положение православной общины стало после окончания войны 1654–1667 гг. Король Ян Казимир письмом от 17 апреля 1668 г. в категорической форме приказал полоцкому воеводе и войту Яну Каролю Копотю допускать в состав магистрата только католиков и униатов⁵⁰.

В конце XVII – начале XVIII в. православные в Полоцке не входили в состав магистрата. Но когда после 1680 г. под давлением «низов» здесь был восстановлен такой орган городской власти, как «мужи гминные», они получили значительное представительство в его составе. Всего в документах полоцкого магистрата за 1681–1684 гг. упоминаются 18 «мужей гминных», из которых 9, несомненно, были православными. Вероятно, православные получили определенную квоту мест в этом учреждении⁵¹.

Возвращение православных на должности бурмистров, радцев и лавников произошло в годы Северной войны (1700–1721 гг.). Начало этого процесса можно датировать достаточно точно. В книгах полоцкого магистрата за 1704–1706 гг. лица, о которых можно с уверенностью сказать, что они являются православными (Александр Воронич, Абрам Снитка, Александр Цыбульский), выступают только в качестве «мужей гминных»⁵². А в магистратских документах 1709 г. упоминаются следующие чиновники православного вероисповедания: бурмистр Ян Стебут, радца Абрам Снитка, лавники Михаил Оловяшка, Александр Воронич, Григорий Дамьянович, Стефан Харкевич⁵³. Очевидно, они вошли в состав городских властей между 1707 и 1709 гг.

Характерным явлением внутренней жизни Полоцка первой четверти XVIII в. стало массовое переселение мещан, главным образом католического и униатского вероисповеданий, в Бешенковичи, Друю и другие города Великого княжества Литовского⁵⁴. Вместе с частью мещан из Полоцка выехало

49 МВКЛ-1, А. 106, л. 174 об.–175.

50 ИЮМ, т. 6, с. 259.

51 ПМ-2, А. 4, л. 187.

52 ПМ-1, А. 2, л. 56; А. 3, л. 25; А. 4, л. 1.

53 ПМ-1, А. 5, л. 5, 5 об., 7, 18, 23, 44, 77 об., 91, 99, 104 об., 107, 110 об.

54 ВС, т. 5, ч. 1, с. 356–357.

также значительное количество чиновников магистрата. Например, в третьем десятилетии XVIII в. в Бешенковичах проживали бывшие полоцкие лавники Ян Тадеуш Александрович и Стефан Александрович (оба, вероятно, католики), а также радца Григорий Пчелка⁵⁵. 5 декабря 1725 г. магистрат публично признал, что в Полоцке «мало имеется католиков с римской стороны, а с греческой униатов». Мещане в ответ на это просили, чтобы «русины были допущены к должностям»⁵⁶. 16 ноября 1726 г. воевода и войт Станислав Денгоф утвердил православного Александра Михайловича Стебута бурмистром со следующей формулировкой – «из-за нехватки униатов»⁵⁷.

С этого времени и до 1772 г. места в полоцком магистрате были разделены поровну между католиками и униатами, с одной стороны, и православными, с другой. Например, из 6 чиновников первой сессии, которая исполняла свои обязанности в 1727 г., к православию принадлежали бурмистр Александр Михайлович Стебут, радца Александр Воронич и лавник Стефан Абрамович Снитка⁵⁸. Из 6 лиц годового состава магистрата за 1741 г. православными являлись бурмистр Михаил Оловяшка, радца Базыль Дамьянович и (с очень большой долей вероятности) лавник Захарий Комкович⁵⁹. Кроме того, неоднократно упоминавшийся выше Михаил Оловяшка после июня 1742 г. несколько лет оставался единственным полоцким бурмистром.

В 1761 г. белорусский православный епископ Георгий Конисский в жалобе в Синод писал: «В Полоцке по особливым королевским давным привилегиям доселе в магистрате чиновные люди состояли одна половина из римлян и униатов, а другая из благочестивых: ныне же они под клятвою приказали своим, дабы наших от сего времени к чинам магистратским не допускать»⁶⁰. Трудно сказать, имели ли его слова какие-либо реальные основания, однако сессия чиновников магистрата следующего 1762 г., как обычно, состояла наполовину из православных (бурмистр Деметрий Пщелка, радца Михаил Снитка, лавник Ян Миронович)⁶¹.

Таким образом, королевские постановления, согласно которым православным запрещалось принимать участие в работе городских властей, в XVIII в. в Полоцке просто не выполнялись. Местная православная община не превратилась в маргинальную группу и до 1772 г. имела значительное представительство в составе полоцкого магистрата.

55 КММП 1727, с. 54, 108; ПМ-1, д. 14, л. 89.

56 ВС, т. 5, ч. 1, с. 355.

57 КММП 1727, с. 52–53.

58 КММП 1727, с. 49.

59 ПМ-1, д. 26, л. 45, 95, 101.

60 *Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов*, т. 2. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960, с. 372.

61 ПМ-1, д. 39, л. 1а.

Теперь кратко охарактеризуем повседневную судебную практику магистрата. В XVII–XVIII вв. суд магистрата являлся основной судебной инстанцией для той части населения Полоцка, которая находилась под юрисдикцией городских властей. В нем рассматривались все категории дел, которые по своему значению превосходили компетенцию суда лантвойта. Как уже говорилось, апелляции на решения лантвойта подавались в магистрат, и только в третьей четверти XVIII в. по неизвестным причинам ситуация изменилась на противоположную.

Попробуем определить, какие документы в качестве источников права использовались в XVIII в. в повседневной судебной практике этого учреждения. Согласно нашим подсчетам, в делах книги полоцкого магистрата за 1727 г. содержатся ссылки на следующие законодательные акты и сочинения ученых-юристов (в скобках – число упоминаний): *Spekulum saxonum...* Павла Щербича (13), *Ius municipale...* Павла Щербича (1), *Porządek sądów...* Бартоломея Гроицкого (1), *Artykuły prawa...* Бартоломея Гроицкого (2), *Postępek sądów...* Бартоломея Гроицкого (1), *Obrona sierot y wdow...* Бартоломея Гроицкого (1), Литовский Статут 1588 г. (8), Статут Сигизмунда Старого 1507 г. (1), Конституция Петровского сейма 1538 г. (1), Конституция Варшавского сейма 1578 г. (1), Конституция Варшавского сейма 1611 г. (1), Конституция Варшавского сейма 1667 г. (1), не определено (1)⁶². Таким образом, в первой половине XVIII в. в магистратском суде чаще всего обращались к сборникам магдебургского права, составленным польскими юристами Бартоломеем Гроицким и Павлом Щербичем, а также к Литовскому Статуту 1588 г. Зафиксирован также единичный случай, когда городские чиновники в качестве дополнительного источника использовали нормы хелмского права. 20 августа 1706 г. бурмистр Николай и лавник Ян Ленчицкие на процессе об имуществе их умершего брата Абрама против его вдовы аргументировали свою позицию ссылками на *Spekulum saxonum...*, Литовский Статут 1588 г. и «Саксон права хелмского»⁶³.

Обычным явлением в полоцком магистрате были nepотизм и коррупция. Система, в рамках которой лавники не выбирались, а назначались, позволяла узкому кругу богатых и влиятельных мещанских родов сосредоточить в своих руках практически монопольный доступ к должностям городской администрации. Чаще всего возможность попасть на первую ступеньку служебной лестницы и начать чиновничью карьеру имели лишь дети и зятья тех, кто уже занимал должности бурмистров и радцев. В качестве примера можно привести род Ленчицких, представители которого заседали в полоцкой ра-туше на протяжении трех поколений. Тимофей Гапонович Ленчицкий был

62 КММП 1727, с. 298–320.

63 ПМ-1, А. 4, л. 81.

лавником. Его сыновья Абрам, Николай и Ян (женат на дочери бурмистра Базыля Свентицкого) стали бурмистрами. Сын Николая Базыль занимал должность радцы, а сын Яна Симеон (зять бурмистра Александра Стебута) был городским писарем⁶⁴. В XVII в. частым явлением в жизни Полоцка были скандалы и судебные процессы, связанные с финансовыми злоупотреблениями городских чиновников. Материалы XVIII в. уже не фиксируют таких резонансных дел. По всей видимости, ситуация несколько изменилась из-за значительного сокращения численности населения Полоцка и, соответственно, денежных сумм, которые попадали в распоряжение магистрата.

Во второй половине XVI – начале XVII в., в результате борьбы против злоупотреблений чиновников, в городах Центральной и Восточной Европы стали возникать представительства мещан, уполномоченные осуществлять контроль за финансовой деятельностью магистратов. Такой орган появился в Полоцке только 5 сентября 1656 г., когда город находился под властью Московского государства⁶⁵. Полоцкое представительство мещан получило название «мужи гминные» (от польск. *gmina*, нем. *gemeinde* – община).

После возвращения в 1667 г. города в состав Речи Посполитой этот орган был ликвидирован как нововведение «московского» времени. Предположительно, он был восстановлен в начале 1680-х гг., причем между магистратом и мещанами было заключено специальное соглашение по этому вопросу⁶⁶. В конце XVII в. «мужи гминные» не выбирались мещанами, а назначались чиновниками магистрата или, по крайней мере, утверждались ими⁶⁷. По своей внутренней структуре этот орган стал очень похожим на сам магистрат: оформилось его деление на 3 годовые сессии и конфессиональные части⁶⁸. Предположительно, в каждой сессии в это время должно было насчитываться 8 человек⁶⁹. «Мужи гминные» совместно с магистратом утверждали городские налоги и определяли их размер для каждого конкретного мещанина, представляли на утверждение бурмистрам и радцам кандидатуры сборщиков налогов и шафаров, осуществляли руководство процессом сбора денежных средств, вместе с шафарами составляли финансовые отчеты, изыскивали дополнительные источники пополнения городского бюджета⁷⁰.

В начале XVIII в. «мужи гминные» продолжали контролировать все категории дел, связанные с поступлением денег в городскую казну, сдачей в аренду принадлежавших городу объектов недвижимости и источниками

64 ПМ-1, А. 4, л. 79; А. 15, л. 165; А. 26, л. 23; *КММП* 1727, с. 104, 182.

65 *АКПМ* 1656–1657, с. 546–547.

66 ПМ-2, А. 4, л. 5.

67 ПМ-2, А. 4, л. 40 об., 187; А. 5, л. 248 об.

68 ПМ-2, А. 4, л. 40 об., 187; А. 5, л. 199 об., 248 об.

69 ПМ-2, А. 5, л. 189.

70 ПМ-2, А. 4, л. 5, 108, 142–143; А. 5, л. 233 об.

доходов⁷¹. Однако в период между 1707 и 1709 гг. (начиная с книги полоцкого магистрата за 1709 г.) они перестали принимать участие в создании финансовых документов. Интересно, что хронологически отстранение «мужей гминных» от исполнения традиционных функций совпало с допуском мещан православного вероисповедания к занятию должностей бурмистров, радцев и лавников. В последующие 20 лет «мужи» спорадически выступают в делах о выборах или утверждении кандидатур чиновников магистрата⁷², а после 1732 г. упоминания о них исчезают из магистратских книг.

Городские финансы Полоцка XVII–XVIII вв. достаточно плохо освещены в дошедших до нас источниках. Проблемой для исследователей является то, что не сохранились даже отдельные приходно-расходные книги города. Несколько больше известно о системе учета финансов, действовавшей в Полоцке в этот период.

Ведением городских счетов занимались шафары. В XVIII в. на протяжении календарного года их обычно было два. Первый выполнял свои обязанности в первом полугодии, второй – во втором. Пребывание в должности шафара не считалось престижным, а рассматривалось как тяжелая и ответственная обязанность. Существовал обычай, согласно которому каждый полоцкий мещанин должен был один раз в жизни выполнить шафарскую повинность в пользу города, после чего пожизненно освобождался от нее. Городские шафары назначались бурмистрами и радцами⁷³. В конце XVII и, вполне правдоподобно, до начала XVIII в. ситуация была несколько иной: кандидатуры подбирались «мужами гминными» и только утверждались магистратом⁷⁴. Назначенный шафаром мещанин приносил присягу в ратуше и приступал к исполнению обязанностей. Окончательный отчет он обычно сдавал в последние дни полугодического срока службы или вскоре после его завершения. Случалось, что магистрат по неизвестным причинам принимал отчеты шафаров со значительным опозданием. Так, шафары 1728 г. Теодор Кореневский (первое полугодие) и Ян Миронович Лукашевич (второе полугодие) рассчитались перед бурмистрами и радцами по результатам своей работы лишь 21 июня 1729 г.⁷⁵

Если человек не имел возможности или не хотел исполнять обязанности шафара, он мог заменить себя другим лицом или откупиться от службы, внося определенную сумму в городскую казну. Откуп от шафарства в Полоцке был широко распространенным явлением. Особенно массовым бегство от этой повинности стало в годы Северной войны (1700–1721 гг.), когда экономи-

71 ПМ-1, А. 2, л. 22, 68–69 об.; А. 4, л. 2–2 об., 16, 65 об.–66.

72 КММП 1727, с. 51, 273; ПМ-1, А. 15, л. 1 об.

73 АКПМ 1650, с. 59; КММП 1727, с. 55, 211; ПМ-1, А. 14, л. 112.

74 ПМ-2, А. 4, л. 5 об.; А. 5, л. 171.

75 ПМ-1, А. 15, л. 278–279 об.

ческое положение города было крайне тяжелым и никто не хотел брать на себя ответственность за финансовые вопросы. Например, от городского шафарства второго полугодия 1704 г. откупилось, по крайней мере, 8 мешан⁷⁶. Долгое время не имели успеха попытки магистрата назначить шафара на первое полугодие 1706 г.⁷⁷ Крайне трудной была ситуация и во втором полугодии 1706 г., когда от шафарства откупилось 9 человек⁷⁸.

Мещанин, который успешно исполнил полугодовую службу по ведению приходно-расходных счетов города или откупился от нее, получал от магистрата документ, которым пожизненно освобождался не только от шафарства, но и от всех прочих повинностей, связанных с финансовой и налоговой системой города, в том числе, от «депутатства»⁷⁹. В XVII – начале XVIII в. депутаты играли важную роль в системе учета городских финансов Полоцка. Они вместе с радцами принимали и утверждали отчеты шафаров. Правда, со второго десятилетия XVIII в. упоминания о депутатах исчезают из полоцких документов, а городские шафары начинают сдавать свои отчеты непосредственно радцам⁸⁰.

В целях поддержания общественного порядка и эффективного осуществления своих полномочий городские власти Полоцка содержали целый штат полицейского и судебно-исполнительского персонала, в состав которого в XVIII в. входили городские и лантвойтовский слуги, а также палач.

Городские (ратушные) слуги подчинялись непосредственно магистрату и действовали в соответствии с распоряжениями бурмистров и радцев. Они в устной или письменной форме (в зависимости от статуса человека) вызывали мещан на заседания суда магистрата, доводили до сведения информацию о решениях городских властей тем, кому эти решения были адресованы, арестовывали и сажали в городскую тюрьму преступников, осуществляли конвоирование наиболее опасных из них, выполняли некоторые виды телесных наказаний⁸¹. В полоцких материалах третьей четверти XVIII в. встречаются также случаи, когда слуги возбуждали уголовные дела по собственной инициативе⁸². Кроме того, городские слуги всегда сопровождали чиновников магистрата при проведении ими процедур предварительного и судебного следствия, оценки имущества, передачи объектов недвижимости новым собственникам, составлении завещаний. В XVII – первом десятилетии XVIII в. нормой считалось наличие при магистрате одновременно двух

76 ПМ-1, А. 2, л. 68–69 об., 72, 74–75, 78–78 об.

77 ПМ-1, А. 4, л. 15, 17, 17 об.–18 об.

78 ПМ-1, А. 4, л. 67–68, 71–72, 73–74.

79 ПМ-2, А. 2, л. 8, 134; ПМ-1, А. 2, л. 72; *КММП 1727*, с. 59–60.

80 *КММП 1727*, с. 59–60; ПМ-1, А. 15, л. 278–279 об.

81 *КММП 1727*, с. 81–82, 84, 106, 135, 166, 177.

82 ПМ-1, А. 37, л. 214.

городских слуг⁸³. Позднее полоцкий магистрат обычно содержал одного такого сотрудника. Городские слуги назначались бурмистрами и радцами, но в некоторых случаях магистрату приходилось заручаться в этом вопросе согласием мещан⁸⁴.

Функции лантвойтовского слуги были очень похожими. Он назначался лантвойтом⁸⁵ и действовал в соответствии с его распоряжениями. На практике, когда наместником лантвойта, как правило, являлся кто-нибудь из бурмистров, радцев или лавников, разница между лантвойтовским и городскими слугами могла стираться⁸⁶. В магистратских книгах, относящихся к периоду после 1727 г., лантвойтовские слуги не упоминаются.

Особое место в системе силового аппарата, подчиненного магистрату, принадлежало палачу. Он приводил в исполнение смертные приговоры, осуществлял телесные наказания.

Необходимо помнить, что слуги являлись лишь вспомогательным наемным персоналом, который имел несравненно более низкий социальный статус, чем чиновники магистрата. Никто из лиц, занимавших должность слуг, так никогда и не стал даже лавником или «мужем гминным».

В завершение работы необходимо сказать несколько слов о делопроизводстве в системе городских властей. В XVIII в. в Полоцке функционировали канцелярии магистрата и лантвойта. В конце XVII в. существовала также особая канцелярия «мужей гминных», но в материалах интересующего нас периода она уже не упоминается.

Канцелярией магистрата руководил городской писарь. После 1667 г. на эту должность попадали исключительно представители мещанства. Необходимо отметить, что писарь магистрата, по крайней мере формально, избирался мещанами⁸⁷, но подробности процедуры выборов нам не известны. Кандидат на должность писаря должен был иметь достаточный уровень образования, опыт и квалификацию, поэтому в некоторых ситуациях найти подходящего человека было трудно. Высокие требования к квалификации писаря практически исключали возможность занятия этой должности случайным человеком. В ряде случаев влиятельные чиновники магистрата заранее готовили своих кандидатов на это место. Так, в последующее столетие, начиная с 1667 г., с должности писаря трижды начинали свою карьеру сыновья «римских» бурмистров Стефан Сторимович⁸⁸, Симеон Ленчиц-

83 *ИЮМ*, т. 5, с. 315; ПМ-2, д. 4, л. 1; ПМ-2, д. 5, л. 78; ПМ-1, д. 2, л. 36 об.; ПМ-1, д. 5, л. 44.

84 ПМ-2, д. 3, л. 311 об.

85 ПМ-2, д. 4, л. 175 об.; *КММП 1727*, с. 60–61.

86 *КММП 1727*, с. 102, 88, 106, 135.

87 ПМ-2, д. 3, л. 130 об., 132–132 об.; *ВС*, т. 5, ч. 1, с. 356.

88 ПМ-2, д. 4, л. 9 об.; д. 5, л. 223 об.

кий⁸⁹, Михаил Друговина⁹⁰. В большинстве остальных случаев вакантное место писаря оперативно занималось одним из полоцких радцев (Лукаш Ситнянович-Петровский⁹¹, Григорий Пчелка⁹², Ян Станислав Русецкий⁹³, Стефан Абрамович Снитка⁹⁴, Базыль Дамьянович⁹⁵, Деметрий Пщелка⁹⁶). Некоторые из них совмещали должности радцы и писаря, а другие полностью переходили на службу в канцелярию.

Все городские книги Полоцка, которые сохранились до нашего времени, были созданы в канцелярии магистрата. Их нельзя разделить на разные типы в соответствии с характером записей. Как показывает анализ их содержания, все дела (судебные, распоряжения магистрата, заявления чиновников и мещан, записи нотариального характера) за один календарный год заносились в одну книгу. Нельзя исключать, что отдельно фиксировалась финансовая документация, но приходно-расходные книги Полоцка, по всей видимости, не сохранились.

Если полоцкие магистратские книги XVII в. содержат преимущественно профильные дела, то с началом следующего столетия их характер значительно меняется. Большинство полоцких городских книг XVIII в. состоит, главным образом, из записей документов шляхты, а в некоторых из них мещанские дела практически отсутствуют. Эту тенденцию можно объяснить как глубоким кризисом, в котором оказался город, так и стремлением чиновников магистрата получить денежные средства за работу писаря. Однако не менее существенным является тот факт, что в XVIII в. полоцкие городский и земский суды часто не действовали и шляхта была вынуждена пользоваться услугами канцелярии магистрата⁹⁷.

Если в XVII в. книги полоцкого магистрата, как правило, хранились в доме писаря, то в XVIII в. они обычно находились в канцелярии полоцкого магистрата (или «магдебургской канцелярии»), которая размещалась в особом здании. Следует отметить, что в 1738–1755 гг., когда уничтоженная пожаром ратуша не функционировала, заседания магистрата часто происходили именно в помещении канцелярии – «при книгах»⁹⁸. Городской писарь мог брать документы из канцелярии, чтобы работать с ними в более комфортных домашних условиях. В 1767 г. при пожаре в доме писаря Михаила Друговины

89 *ВС*, т. 5, ч. 1, с. 356; ПМ-1, д. 25, л. 121.

90 ПМ-1, д. 39, л. 1а; д. 32, л. 171 об.

91 ПМ-2, д. 3, л. 130 об., 316.

92 ПМ-1, д. 4, л. 13.

93 ПМ-1, д. 4, л. 28; д. 5, л. 6; д. 41, л. 10 об.

94 ПМ-1, д. 27, л. 106, 98 об.

95 ПМ-1, д. 33, л. 56; д. 35, л. 240; д. 36, л. 40.

96 ПМ-1, д. 37, л. 51 об.; д. 38, л. 44, 232.

97 ПМ-1, д. 22, л. 298; д. 29, л. 18 об.; д. 30, л. 88–88 об.

98 ПМ-1, д. 22, л. 297; д. 30, л. 1; д. 34, л. 1.

сгорело только то, с чем он непосредственно работал на тот момент: вся книга за 1761 г. и ряд документов 1762–1765 гг.⁹⁹

Порядок и условия хранения городской документации не были идеальными. Книги за отдельные года долго не переплетались. Например, в книгу 1754 г. включены начисто переписанные документы, датируемые 7 августа 1759 г. и 8 июля 1772 г. Номера листов, на которых они размещены, не нарушают оригинальную пагинацию книги¹⁰⁰. Из этого следует, что магистратская книга за 1754 г. либо была переписана с черновики не ранее 1772 г., либо существовала в виде стопки листов, по крайней мере, до этой даты. Особенно неудовлетворительной организация работы канцелярии магистрата была в годы Северной войны. Книги этого периода только в 1725 или 1726 гг. были приведены в относительный порядок специальной комиссией магистрата, которая, среди прочего, производила нумерацию листов и составляла реестры книг¹⁰¹.

Еще одна канцелярия действовала в Полоцке при лантвойте. Согласно положениям привилея от 11 марта 1633 г., протоколы заседаний суда этого чиновника должен был вести особый писарь. В конце календарного года лантвойт был обязан сдавать всю документацию своего суда в ратушу, где она далее хранилась вместе с магистратскими делами под контролем радцев¹⁰². Создается впечатление, что описанный в привилее порядок учета и хранения лантвойтовских актов функционировал на практике. Хотя особые книги протоколов суда лантвойта нам неизвестны, но такие документы достаточно часто встречаются в книгах магистрата¹⁰³. Лица, которые исполняли обязанности лантвойта, по разным причинам далеко не всегда передавали дела в ратушу в полном объеме¹⁰⁴. Поэтому, вероятно, до наших дней дошла лишь незначительная часть документального наследия полоцкой лантвойтовской канцелярии.

Таким образом, в XVIII в. судебная власть города распространялась лишь на часть торгово-ремесленного населения Полоцка. Многие мещане жили под юрисдикцией шляхты и духовенства. Основным документом, регулировавшим деятельность городских властей в XVIII в., оставался привилей Владислава Вазы от 11 марта 1633 г., но ряд принципиально важных вопросов в нем не был прописан. Полоцкое войтовство XVIII в. всегда принадлежало полоцким воеводам или суррогатам гродским Полоцкого воеводства.

99 ПМ-1, д. 43, л. 65–67.

100 ПМ-1, д. 33, л. 113–114 об., 133–134.

101 ПМ-1, д. 5, л. 4; д. 8, л. 2–2 об.

102 *МВКЛ-1*, д. 106, л. 174 об.

103 Например: ПМ-2, д. 2, л. 152 об., 169; ПМ-2, д. 3, л. 23, 209–209 об., 210; ПМ-1, д. 28, л. 224–224 об.

104 ПМ-2, д. 4, л. 193 об.

Воеводы чаще всего передавали полномочия войта своим наместникам – лантвойтам, а те – вицелантвойтам. Полоцкой мещанской общине так и не удалось поставить войтовство под свой контроль, что ограничивало ее коммунальный суверенитет. Полоцкий магистрат не делился на бурмистровско-радецкую и войтовско-лавничью части. Все чиновники – бурмистры, радцы и лавники – заседали в ратуше совместно в присутствии лантвойта. Магистрат состоял из трех годовых сессий, которые заседали по очереди. В конце XVII–XVIII в. в состав сессии теоретически входило 2 бурмистра и 2 радцы, а число лавников постепенно уменьшилось с 6 до 2 человек. По-видимому, к середине 30-х гг. XVIII в. регулярная ротация сессий прекратилась. Бурмистры и радцы выбирались при активном участии мещан, а лавники назначались магистратом, поэтому лавниками чаще всего становились дети или близкие родственники бурмистров и радцев. По конфессиональному составу в конце XVII – начале XVIII в. полоцкий магистрат был католическо-униатским. Около 1709 г. православные получили право участвовать в работе городских властей. С этого момента и до 1772 г. они всегда занимали половину мест в магистрате. В повседневной судебной практике в качестве источников права чаще всего использовались сборники магдебургского права, составленные польскими юристами Гроицким и Щербичем, а также Литовский Статут 1588 г. Представительство мещан, осуществлявшее контроль за финансовой деятельностью полоцкого магистрата, называлось «мужи гминные». Около 1709 г. оно было отстранено от исполнения традиционных функций, а после 1732 г. не упоминалось вообще. Ведением приходно-расходной документации занимались шафары. Нахождение на этой должности рассматривалось как обязанность, которую каждый мещанин должен был выполнить один раз в жизни. Широко распространенным явлением был откуп от шафарства. Полицейские и судебно-исполнительские функции выполнял корпус городских слуг. Делопроизводство велось в канцеляриях магистрата и лантвойта.

Опубликованные источники и литература

Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зборнік дакументаў, склаў і падрыхт. да друку Максим Ю. Гардзееў, Мінск: Беларуская навука, 2006.

Акты книги полоцкого магистрата за 1656–1657 гг., составил Максим Ю. Гордеев, подготовил к печати Александр Б. Довнар, in: *Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слов, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке*, Минск: Беларуская навука, 2012, с. 545–700. (Древнейшие города Беларуси)

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа, т. I. Вильна: печатня Губернского правления, 1867.

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. 2. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960.

Витебская старина, составил и издал Алексей П. Сапунов, т. 5, ч. 1, Витебск: Типография губернского правления, 1888.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, т. 1–32, Витебск: Витебский центральный архив древних актов, 1871–1906.

Книга магистрата места Полацка 1727 г. = Księga magistratu miasta Polocka 1727 r., падрыхт. да публ. Андрэй Н. Латушкін, Максім Дз. Макараў, Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае навуковае таварыства, 2012.

Stefan Rohdewald, *Vom Polocker Venedig. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005.

POLOCKO MIESTO VALDYMO ORGANIZAVIMAS XVIII AMŽIUJE

MAKSIMAS MAKAROVAS

Straipsnyje analizuojama Polocko miesto valdžios organizacija ir veikla XVIII a. (iki 1772 m.). Siekiant plačiau išnagrinėti šią temą tam tikrais atvejais taip pat naudojami XVII a. antrosios pusės dokumentai. XVIII amžiuje miesto valdžios jurisdikcija apėmė tik amatininkus ir prekyaujančius miesto gyventojus. Nemaža dalis miestiečių priklausė bajorų ir dvasininkų jurisdikcijai. Pagrindinis dokumentas, reglamentavęs miesto valdžios veiklą, buvo 1633 m. kovo 11 d. Vladislovo Vazos privilegija. XVIII a. Polocko vaitija priklausė Polocko vaivados arba Polocko vaivadijos pilies surogatoriams. Vaivados perduodavo vaito įgaliojimus savo vietininkams lentvaičiams, o šie – lentvaičių pavaduotojams vicelentvaičiams. Polocko miestiečių bendruomenei nepavyko įvesti vaito urėdo kontrolės, o tai riboja jos municipalinį suverenitetą. Polocko magistratė nesusiformavo savarankiškos burmistrų ir tarėjų bei vaito ir suolininkų institucijos. Visi pareigūnai kartu posėdžiavo rotušėje, posėdžiuose dalyvavo miesto vaitas. Magistratas paeiliui rinkdavosi į tris metines sesijas. XVII a. pabaigoje – XVIII a. sesiją sudarė 2 burmistrai, 2 tarėjai ir suolininkai, kurių skaičius palaipsniui mažėjo nuo 6 iki 2. XVIII a. 4-ojo dešimtmečio viduryje išnyko reguliari sesijų rotacija. Burmistrus ir tarėjus aktyviai rinko miestiečiai, o suolininkus skyrė magistratas. Konfesiniu požiūriu Polocko magistratą XVII a. pabaigoje – XVIII a. pradžioje sudarė katalikai ir unitai. Stačiatikiai gavo teisę dalyvauti miesto valdžioje apie 1709 m. Nuo tada jie sudarė apie pusę magistrato narių. Magistrato finansinę veiklą kontroliavo miestiečių atstovai, vadinamieji „bendruomenės vyrai“ (*мужичи гминные*). Apie 1709 m. miestiečių atstovai jau neatliko šios tradicinės funkcijos, o po 1732 m. jie apskritai nėra minimi. Pajamų ir išlaidų dokumentus tvarkė ekonomas / valdytojas (*szafarz, шафар*). Policijos ir teismo vykdomąją funkciją atliko miesto tarnautojai (*городские слуги*). Raštvedybą tvarkė magistrato ir miesto vaito kanceliarijos.

Reikšminiai žodžiai: Abiejų Tautų Respublika, Polockas, magistratas, miesto valdžia.